

Встреча с поэзией

Ее все называли Женя. А я обращался по имени—отчеству. Она была настоящим поэтом, и я ее уважал. Это ее немного напрягало, но она заведовала отделом поэзии в журнале «Маладосць», а я приносил ей свои стихи. Она внимательно их читала. Предлагала кое—какие слова заменить, а я не соглашался, спорил. Евгения Янишиц бледнела, так как спорить не любила. Прошло много лет, и, найдя старый журнал с теми стихами, я понял, что напрасно тогда спорил. Надо было прислушаться, поверить ее чутью и опыту. Но уже ничего не исправишь...

Как—то в коридоре Дома печати, в очереди за гонораром, Евгения Янишиц прочла мне небольшую лекцию о том, как надо писать стихи. Тот разговор я запомнил. И долго, может, несколько лет, не приносил свои стихи в редакцию.

Она всегда выглядела какой—то сосредоточенной, напряженной, словно ждала подвоха, словно боялась поскользнуться. Ходила тихо, осторожно, как по льду, и была задумчива. Такой бы она и запомнилась.

Но однажды весной, в конце апреля, я встретил поэтессу на проспекте. Она была в легком красивом платье в мелкие цветочки, на шее — полупрозрачный шарф, туфли на высоком каблуке, а в руках цветы, кажется, тюльпаны. Большой букет. Она шла легко и беспечно, шелковый шарф развевался. Она показалась мне нездешней.

Ее часто сравнивали с ласточкой, говорили, что именно на эту быструю птицу она похожа. Понимаю, что это сравнение выдернули из ее же стихов. Но в тот апрельский день она если и была похожа на птицу, то на какую—то нездешнюю, райскую, если хотите. Да и не поют ласточки, а Евгения Янишиц — птица певчая. Она писала стихи о своем Полесье, о скромных цветах, о лугах, реках, дорогах в полях, о маме... О том, какие на вкус криничная вода, созревшая земляника, хлеб, примороженная рябина.

ий и не-
аж. Во-
ющаяся
ри ней
присое-
дарству,

Ее часто сравнивали с ласточкой, говорили, что именно на эту быструю птицу она похожа. Понимаю, что это сравнение выдернули из ее же стихов. Но в тот апрельский день она если и была похожа на птицу, то на какую-то нездешнюю, райскую, если хотите. Да и не поют ласточки, а Евгения Янишиц — птица певчая. Она писала стихи о своем Полесье, о скромных цветах, о лугах, реках, дорогах в полях, о маме... О том, какие на вкус криничная вода, созревшая земляника, хлеб, примороженная рябина.

да сни-
жели я
ой стер-

Питера,
о среди
туры. А
ажет, то
близко.
е могла,
аю Ека-

к. Пом-
Дарском
те. И та-
возник-
ишься в
ппа ки-
так они
торгом и
а и кри-
ща: «Ра-

ЕРАНОВ.

Она писала о любви... А любовь, которую она звала стихами и ждала, о которой мечтала, все не случалась. И ее это мучило, разрывало, угнетало, вгоняло в депрессию. Она не могла понять, ну почему она такая хорошая, молодая, красивая, талантливая и при этом такая несчастная в любви.

Мы столкнулись с ней на площади Калинина. Я, ошеломленный и удивленный, остановился. Она же лишь на мгновение замерла и не смутилась. Все прочла на моем лице и счастливо улыбнулась, прижав к груди букет. Мы тогда и слова не сказали, все произошло молча, как в замедленной киносъемке. Она поплыла, полетела...

Никогда больше я ее такой счастливой, красивой, похожей на поэзию не видел.

На снимке Евгения Коктыша поэтесса скромна, спокойна и обаятельна. Такой ее помнят многие.

■ Владимир СТЕПАН.

ladzimir@tut.by